Гальціона.

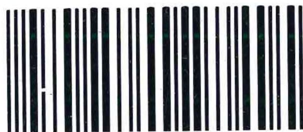
Кадеты
и
Сергѣй Катилина

(Историческія параллели).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія газеты „Россія“ Фонтанка, 57
1907.

I.

Идейные и сознательные люди, которые отдаютъ все свое время и всѣ силы своего духа на организацію какой-нибудь оппозиціонной партіи или на подготовку вооруженнаго возстанія трудящихся массъ, лишены возможности отвлечь свое вниманіе отъ частностей и подробностей будничной работы, подняться надъ уровнемъ каждаго дня и взоромъ мыслителя и историка окинуть общій смыслъ своей собственной активности въ общемъ ходѣ стихійной общественной эволюціи. Главная работа при всякомъ актѣ заговорщиковъ падаетъ, конечно, на привлеченіе и объединеніе наиболѣе извѣстныхъ лицъ, которые должны составить такъ называемое ядро партіи. Это, какъ всегда, сложное и хлопотливое дѣло, такъ какъ вопросы о раздѣлѣ власти, добытой manu militari, и распредѣленіи государственнаго богатства, добытаго захватнымъ порядкомъ, требуютъ какого-нибудь соглашенія между сговаривающимися сторонами, а это очень усложняется высокою оцѣнкою своего авторитета и своей полезности для общаго дѣла со стороны каждаго лидера и оратора. Эти хлопоты и договоры необходимы и неизбѣжны во всякомъ заговорѣ

любого вѣка и любой страны. Но за послѣднее время ремесло профессіональнаго заговорщика выдвигаетъ на первый планъ новыя техническія затрудненія. Тузы заговора не приводятъ съ собою, какъ въ доброе старое время, готовыхъ вооруженныхъ отрядовъ,—той арміи, которая ринется въ бой по первому слову своихъ вождей. Наемныя дружины, достаточныя для борьбы съ арміями, не по карману даже хорошо финансированнымъ передовымъ умамъ въ рядахъ оппозиціи. Приходится пустить въ оборотъ одно изъ наиболѣе сомнительныхъ средствъ кредитной системы, т. е. обѣщать активнымъ массамъ приличный заработокъ на первыхъ порахъ и полное благополучіе до скончанія вѣка. Другими словами, требуется такой напоръ идейности и сознательности, при которомъ человѣческое сознаніе, упившись мечтами о золотомъ вѣкѣ, отказалось-бы отъ устарѣвшихъ понятій о цѣнности своей и чужой жизни, о прихотливости и случайности риска и о предѣлахъ земной возможности. При такой постановкѣ дѣла, на исторической сценѣ появляются свои герои, свои ораторы, свои поэты,— и техника заговора поглощаетъ вниманіе своихъ агентовъ цѣликомъ. Наука и искуство прекращаютъ для активныхъ дѣятелей свое существованіе, мораль и исторія выбрасываются изъ памяти, какъ ненужный хламъ и мозгъ истощается въ мучительныхъ потугахъ создать новое человѣчество и новый порядокъ вещей или изъ ничего, или изъ совершенныхъ пустяковъ.

II.

Отчасти и этимъ объясняется то, повидимому, необъяснимое равнодушіе, съ которымъ русскіе передовые умы освободительнаго движенія относились къ идеямъ и произведеніямъ латинскаго историка и памфлетиста, Гая Саллюстія Криспа, особенно къ его талантливому трактату о заговорѣ его современника, Катилины, поднявшаго стяги возстанія въ римской республикѣ въ I вѣкѣ до Рождества Христова. Великій стилистъ порицалъ личную порочность и политическую преступность своего лѣваго друга, но, съ силою новой сознательности и идейнаго краснорѣчія, по примѣру Юлія Цезаря, стоялъ за амнистію для активнаго мятежника и его сторонниковъ. Казалось-бы, что уже такъ называемая злободневность трактата Саллюстія придавала чрезвычайную пикантность его классическому произведенію и должна была привлекать къ нему вниманіе людей той-же професіи и тѣхъ-же идеаловъ. Впрочемъ, я слишкомъ далекъ отъ мысли объяснять необъяснимое равнодушіе мыслящей Россіи къ монографіи Саллюстія чрезмѣрною трудоспособностью и неутомимою активностью главныхъ теоретиковъ и практиковъ русскаго государственнаго переворота и полагаю, что здѣсь оказали свое вліяніе и другіе бытовые и идейные факторы. Друзьямъ и противникамъ русскаго классицизма, надо думать, извѣстно, что означенный трактатъ латинскаго автора, по програмамъ русскаго просвѣщенія, изучается въ каж-

дой гимназіи, поэтому стоитъ въ сферѣ досягаемости той критики, которая отрицаетъ какъ разумность классицизма, такъ и необходимость средней школы вообще.

III.

Быть можетъ, равнодушие къ Саллюстію и его герою объясняется и тѣмъ прискорбнымъ явленіемъ, что трактатъ «De conjuratione Catilinae» — въ интересахъ русскаго просвѣщенія и книжной торговли — имѣется въ многочисленныхъ переводахъ на русскій языкъ, главнымъ образомъ въ подстрочникахъ, которые въ свое время и по своему приносятъ свою пользу учащейся молодежи. Въ этихъ переводахъ и подстрочникахъ сдѣланы всѣ усилія, чтобы представить Катилину круглымъ дуракомъ, а его біографа и историка, элегантнаго и тонкаго Гая Саллюстія, форменнымъ идіотомъ. Тотъ, кто съ довѣріемъ и съ серьезностью принялъ бы эти опыты злѣйшей клеветы на умственныя способности классическихъ героевъ и классическихъ писателей, имѣлъ бы полное право презирать исторію Рима и всѣ его творческія силы, ибо видѣлъ бы предъ собою неопровержимое доказательство явнаго тупоумія и полнаго разстройства нормальной человѣческой рѣчи. Трудно сказать, какія побужденія вызвали столько безпощадной злобы и фанатическаго ожесточенія противъ логики и здраваго смысла, противъ русской и латинской граматики и особенно противъ Катилины и Саллюстія, у переводчиковъ и подстрочникателей любопытнаго и во всякомъ случаѣ остроумнаго памфлета. Но фактъ остается фактомъ, т. е. Катилина и Саллюстій перестали существовать для лучшей части русской интелигенціи въ тотъ именно моментъ, когда они были особенно нужны и полезны.

IV.

Но, можетъ быть, кадеты скажутъ: зачѣмъ намъ Саллюстій, когда у насъ всегда имѣется въ кулуарахъ г. Милюковъ, который въ мгновеніе ока не только напишетъ, но сдѣлаетъ какую угодно исторію,—есть одинъ Кизеветтеръ и два Гессена, которые сдѣлаютъ что угодно изъ права и дадутъ такую юрисдикцію, отъ которой покраснѣютъ — не въ поэтическомъ, а въ политическомъ смыслѣ—всѣ римскіе юристы? Научностью и правовымъ сознаніемъ, моралью заговоровъ и вооруженныхъ выступленій мы располагаемъ съ гораздо большею находчивостью и изворотливостью, чѣмъ какой нибудь Катилина, которому и мы, подражая Цицерону и ему самому, готовы сказать: «Quousque tandem?» Мы стоимъ на рубежѣ новаго міра, для котораго всѣ геніи и герои прошлаго — козявки, нестоющія вниманія. Когда мы совершенно «отречемся отъ стараго міра, отряхнемъ его прахъ съ своихъ ногъ», мы поднимемся на такія высоты идейности, что исторія всѣхъ племенъ и народовъ потеряетъ всякій смыслъ, какъ продуктъ многовѣковой реакціи и варварскаго застоя. Признавая всю серьез-

ность и убѣдительность этихъ соображеній, я тѣмъ не менѣе позволю себѣ настаивать на небезполезности для всѣхъ партій—лѣвыхъ, центральныхъ и правыхъ—вспомнить нѣкоторые факты и выводы старой латинской книжки, хотябы для того, чтобы показать всю противоположность между дѣятельностью Катилины и вождей кадетской партіи. Въ настоящіе дни начинается агитація передъ выборами народныхъ представителей въ третью Думу. По признанію всѣхъ политическихъ партій первая и вторая Думы были оппозиціонными, т. е. стремились къ захвату власти и государственной казны. Вполнѣ естественно, что сторонники революціонной конституціи и вооруженнаго возстанія, недостигнувъ конечной цѣли будутъ искать новыхъ формъ штурма, осады или подкопа, новыхъ путей для осуществленія своей програмы, новыхъ людей и новыхъ идей. Съ другой стороны, и ихъ противники не могутъ не признать важности и серьезности вопроса о томъ, гдѣ и какъ растутъ и зрѣютъ революціонные элементы, какіе люди полезны для заговора, кому нужны и на какихъ условіяхъ они легче всего склоняются къ активности легальной и нелегальной. Это выдвигаетъ вопросъ о неотложности появленія краткаго учебнаго руководства по всѣмъ отраслямъ этой спеціальности и профессіи. Если первая Дума могла обойтись однимъ конституціоннымъ подстрочникомъ г. Кизеветтера, если вторая Дума при всякомъ затрудненіи вопрошала, какъ таврическаго оракула, г. Милюкова, ни разу не потерявшаго своей прозорливости и только разъ потерявшаго свою шляпу,—то для третьей Думы нужно нѣчто болѣе систематическое и всестороннее, такъ какъ первые элементарные наглядные уроки не подняли общественную активность до надлежащаго уровня. Пока еще не явился для третьей Думы новый Кизеветтеръ, достаточно проникнутый моралью пролетаріата,—отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать старымъ, много разъ испытаннымъ методомъ Катилины, который и безъ содѣйствія пролетаріата велъ заговоръ по всѣмъ правиламъ не только конституціоннаго, но и республиканскаго искусства. Весьма возможно, что политическія условія жизни въ Римѣ въ I-мъ вѣкѣ до Рождества Христова кое въ чемъ соотвѣтствуютъ общественной постановкѣ русскаго освободительнаго движенія. Если же это возможно, простая осмотрительность побуждаетъ внимательно пересмотрѣть всѣ пріемы тактики и стратегіи Катилины, чтобы, отбросивъ все то, что отжило свой вѣкъ, пустить въ ходъ жизнеспособные методы.

V.

И такъ, литературное и общественное возрожденіе Катилины и Саллюстія въ данный моментъ имѣетъ серьезное значеніе для всѣхъ русскихъ политическихъ партій. Но непростительное пренебреженіе къ этому серьезному дѣлу надо поставить въ вину прежде всего и главнымъ образомъ кадетамъ, ибо, по ихъ соб-

ственному признанію, вся отвѣтственность за судьбы русской конституціонности лежала и лежитъ именно на нихъ, и только на нихъ, какъ партіи центра. Кромѣ того, какъ лучшіе, по ихъ словамъ, умы и сердца своего вѣка, они взяли на себя ликвидацію всѣхъ вѣрованій и убѣжденій русской интеллигенціи съ той минуты, когда либералы и марксисты объединились подъ именемъ кадетовъ. Если правительство отвѣтственно за всѣ формы и нормы существующаго строя, то кадеты отвѣтственны за всю логику и за всю психологію наличной интелигенціи, за теорію безостановочнаго прогреса и общественной стихійной эволюціи, за безотвѣтственность личности и за сознательность пролетаріата. Если, какъ они говорятъ, существующій строй рухнулъ, то на ихъ совѣсти лежитъ обязанность доказать, что ихъ вѣрованія и убѣжденія ни въ чемъ не потерпѣли урона и незыблемо возвышаются надъ грудою развалинъ прежней общественности. Но равнодушіе и небреженіе кадетовъ къ этому дѣлу тѣмъ непростительнѣе, что Катилина и Саллюстій по своимъ политическимъ убѣжденіямъ оба кадеты,—первый лѣваго крыла, а второй праваго, по крайней мѣрѣ, на словахъ и для публики. Это главная мысль моего очерка и я считаю себя обязаннымъ представить всѣ доказательства въ подтвержденіе этого положенія. Но прежде мнѣ надо устранить два возраженія, которыя могутъ показаться, повидимому, убѣдительными. Одно изъ нихъ касается Катилины, другое

Саллюстія. Мнѣ могутъ сказать, что Сергѣя Катилину надо причислить не къ партіи кадетскаго центра, а къ революціонерамъ или анархистамъ, ибо онъ, разочаровавшись въ конституціонности республиканскаго сената, сталъ во главѣ вооруженнаго возстанія и палъ въ бою, чего еще не сдѣлали ни г. Милюковъ, ни Кизеветтеръ съ Гессеномъ, ни даже г. Родичевъ съ Головинымъ, да, повидимому, и никогда не сдѣлаютъ. Но надо принять во вниманіе, что Катилина соціалистомъ никогда не былъ и даже передъ битвой не принялъ въ свой лагерь самыхъ активныхъ дѣятелей люмпенъ-пролетаріата, приглашая подъ свои знамена людей классоваго самосознанія и плохо обезпеченную въ матеріальномъ отношеніи интеллигенцію. Такимъ образомъ, ни г. Алексинскій, ни г. Озоль, ни г. Церетели не могутъ претендовать на лавры русскаго катилинаризма по чрезмѣрности своихъ охлократическихъ увлеченій. Такимъ образомъ, повидимому, совсѣмъ лѣвый, по терминологіи думской партійности, Катилина, все-же остается въ партіи кадетскаго центра, хотя значекъ юриста въ концѣ концовъ, увлеченный выборгскими илюзіями, онъ перемѣнилъ на мечь беллигеранта.

VI.

Совсѣмъ противоположное недоразумѣніе можетъ возникнуть относительно Саллюстія, такъ какъ онъ, конечно, не на практикѣ, а только въ теоріи, такъ ярко и рѣзко стоялъ не только за существую-

щій при немъ, но и за прежній простой, строгій, даже суровый режимъ латинской жизни, что его скорѣе можно было бы назвать черносотенцемъ, чѣмъ кадетомъ. Но черносотенскіе оттѣнки въ его изящномъ и элегантномъ изложеніи носятъ явные слѣды стилистики крупнаго бюрократа, который въ формы умнаго канцеляризма вливаетъ совершенно новое, а именно кадетское содержаніе, какъ и въ русскихъ думахъ дѣлали это ex-товарищи министровъ, главноуправляющіе полицейскою охраною и нѣкоторые вице-проконсулы. Но при слегка черносотенской окраскѣ рѣчи, Саллюстій велъ совершенно кадетскій образъ жизни и дѣлами убѣдительнѣе, чѣмъ словомъ, обнаружилъ истинную сущность своей политической платформы.

«Тотъ, кто считаетъ себя въ правѣ порицать другихъ, самъ долженъ быть выше всякаго порока»,—ригористически говоритъ утонченный стилистъ, который ради популярности и славы ставилъ въ образецъ своему поколѣнію желѣзные нравы своихъ могучихъ предковъ. Въ своихъ произведеніяхъ Саллюстій, уже въ отставкѣ, сильно и ярко «порицалъ другихъ», особенно Катилину, служебная карьера котораго—болѣе блестящая и шумная—во всѣхъ главныхъ моментахъ совпадала съ карьерою строгаго моралиста на словахъ, хотя на его долю ни разу не пало гордое величіе консульства. Отсюда логически слѣдовалъ бы тотъ выводъ, что самъ Саллюстій, разъ онъ порицалъ другихъ, былъ «свободенъ отъ всякаго порока», а не искалъ своимъ

разсужденіемъ «О заговорѣ Катилины» благосклоннаго вниманія Юлія Цезаря, который одно время былъ въ сенатѣ лидеромъ кадетовъ, пока не достигъ полноты власти и, ставъ фактическимъ диктаторомъ, не превратился въ яраго противника амнистіи и безотвѣтственности своихъ политическихъ враговъ и недруговъ. Идейная безпорочность Саллюстія доказывается, между прочимъ, слѣдующими преступленіями и пороками. Онъ, въ должности народнаго трибуна, проявилъ себя злѣйшимъ противникомъ Милона, убійцы Клодія, и рѣзко нападалъ на Цицерона, когда тотъ сталъ защищать Милона. Но его ригоризмъ допускаетъ и иное объясненіе. Онъ пользовался расположеніемъ жены Милона, Фаусты, дочери Суллы, и однажды, проникнувъ въ ея покои на свиданіе въ одеждѣ раба, былъ пойманъ Милономъ на мѣстѣ преступленія (in adulterio deprehensus), подвергнулся бичеванію плетьми (loris bene caesus) и за безчестье долженъ былъ отсчитать обманываемому мужу значительную сумму денегъ. Черезъ два года цензоръ Пульхеръ исключилъ его изъ числа сенаторовъ за «безпорядочную жизнь» и съ той поры Саллюстій съ идейной точки зрѣнія безпощадно обличалъ какъ предварительную, такъ и карательную цензуру. Но любвеобильный Цезарь возвратилъ ему сенаторское кресло и даже содѣйствовалъ его назначенію проконсуломъ въ Нумидію. Но тамъ элегантный проконсулъ такъ проворовался, что, какъ только вернулся въ Римъ, къ нему реакціонер-

ными цензорами было предъявлено обвиненіе въ вымогательствѣ и во взяточничествѣ (repetundarum) и только заступничество Цезаря спасло его отъ судебнаго приговора и наказанія. По смерти Цезаря Саллюстій нашелъ для себя государственную службу обременительной и тревожной, вышелъ въ отставку, занялся литературой и сталъ писать «Очерки по исторіи римской культуры». О размѣрахъ его административнаго заработка въ Африкѣ можно судить по тому, что въ память о немъ въ Римѣ остались знаменитые сады—horti Sallustiniani,--которые потомъ были любимымъ мѣстомъ отдыха для многихъ римскихъ императоровъ. Въ виду всего вышеизложеннаго, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ то, что кадетскій образъ жизни римскаго историка неопровержимо свидѣтельствуетъ и о кадетскомъ образѣ его мыслей.

VII.

Покончивъ съ Саллюстіемъ, мы имѣемъ теперь возможность сосредоточить все вниманіе на личности и дѣятельности Катилины и на пріемахъ его политической пропаганды. Объ его боевой дѣятельности, въ званіи главнокомандующаго арміею забастовщиковъ и безработныхъ интеллигентовъ,—конечно, нѣтъ надобности говорить подробно, потому что она всѣмъ извѣстна если не по Саллюстію, то по учебнику Иловайскаго. Для насъ особое значеніе имѣетъ его конституціонная дѣятельность въ республиканскомъ сенатѣ, его пріемы въ созданіи опозиціонной партіи и подготовительныя работы къ вооруженному возстанію. Только эти стороны неудавшагося переворота мы и хотимъ отмѣтить по элегантной монографіи латинскаго моралиста. Подъ его талантливой кистью Катилина встаетъ, какъ живой. Портретъ строгаго рисунка и яркихъ красокъ. Образность и сжатость рѣчи—знаменитая brevitas Sallustiniana—даетъ живой и характерный типъ. Вотъ эскизъ его внѣшности, его идеологіи и его морали.

Люцій Сергій Катилина (род. въ 108 г. до Р. Хр.) происходилъ изъ древняго, но обѣднѣвшаго рода Сергіевъ. «Выносливый и неугомонный. Голодъ, холодъ, безсонница — ему ни почемъ. Но образъ мыслей—плохой отъ природы и порченый идейностью (ingenio malo pravoque). Съ юныхъ лѣтъ онъ обнаружилъ склонность къ междуусобнымъ войнамъ и классовой борьбѣ, къ грабежамъ и убійствамъ. На эти опыты онъ потратилъ всю свою молодость. Смѣлый, хитрый и лукавый, онъ былъ большимъ притворщикомъ и всегда себѣ на умѣ (cujus rei lubet simulator ac dissimulator). Своего не жалѣлъ, чужое хваталъ и аппетитъ имѣлъ огромный. За словомъ въ карманъ не ходилъ, но былъ безтолковъ (satis eloquentiae, sapientiae parum). Ненасытная утроба (vastus animus) всегда желала чрезвычайнаго, невѣроятнаго и слишкомъ высокаго. Послѣ диктатуры Суллы имъ овладѣло неукротимое желаніе захватить государство въ свои руки. Онъ все считалъ

пустяками, только бы достигнуть своей цѣли и прикарманить власть (regnum sibi). Въ кошелькѣ деньжонокъ было слишкомъ мало, на совѣсти преступленій и взысканій слишкомъ много и это съ каждымъ днемъ все больше и больше раздувало его экспропріаторскую предпріимчивость (animus ferox). Кромѣ того, его подбивали на активность испорченные нравы государства, гдѣ господствовали двѣ худшихъ и противоположныхъ страсти: жажда легкой наживы и мотовство».

VIII.

Словомъ, вовсе не ecce homo, а скорѣе ecce homicida! Надо сознаться, что наше поколѣніе отвыкло отъ такого стиля. Все слишкомъ уже просто, ясно и поэтому какъ-то тривіально. Мы привыкли къ длиннымъ, сложнымъ и запутаннымъ періодамъ, къ иностранной окраскѣ и конструкціи рѣчи, къ скользящимъ терминамъ партійныхъ понятій и симпатій, къ обилію словъ и къ скудости смысла. Простая рѣчь становится менѣе понятною, чѣмъ рѣчь уклончивая и иносказательная. Простого слова мы уже не понимаемъ. Поэтому личность Катилины въ этомъ рисункѣ и въ этихъ яркихъ словахъ представляется недостаточно яркою. Попробуемъ приблизить ее къ современнымъ понятіямъ сознательности и идейности. Въ нашей кадетской партіи пока, повидимому, ни одного цѣльнаго и законченнаго Катилины нѣтъ, за исключеніемъ, быть можетъ, одного о. Гр. Петрова, который, какъ свидѣтельствуютъ

прогресивные органы печати, переноситъ голодъ, холодъ и безсонницу съ чисто иноческимъ терпѣніемъ. Впрочемъ, эти доблести римскаго солдата, безъ которыхъ трудно было бы побѣдить міръ и которыя поэтому въ то время пользовались особеннымъ уваженіемъ и почетомъ, не служатъ и не могутъ служить украшеніемъ современнаго политическаго дѣятеля, такъ какъ хорошее питаніе и хорошій апетитъ, по авторитетному сужденію современной медицины, являются главною основою новой сознательности и морали. Въ виду этого повышенная жизнерадостность г. Милюкова, г. Винавера и г. Пергамента, о которой съ такимъ сочувствіемъ и увлеченіемъ говорили центральные органы печати, идетъ скорѣе на плюсъ, чѣмъ на минусъ въ эволюціи типа Катилины. Но, если у нашихъ кадетовъ нѣтъ еще большаго и крупнаго Катилины, то, очевидно, что каждый кадетъ представляетъ изъ себя Катилину въ миніатюрѣ. Что осталось бы отъ кадета, если бы онъ не былъ simulator ac dissimulator въ каждомъ дѣлѣ? Эта страсть къ партійнымъ секретамъ, жажда поражать внезапностью и неожиданностью, умѣнье притворяться въ любой роли и скользящимъ словомъ прикрывать неглубокія тайны—такая типичная черта современнаго катилинаризма, что безъ нея кадетъ пересталъ бы быть кадетомъ и партія, за очевидною ненадобностью, должна бы была прекратить свое существованіе. Satis eloquentiae, sapientiae parum. Какое мѣткое и удачное опредѣленіе! Если бы это не было

уже сказано про Катилину, его можно было бы сказать про г. Родичева. Но что г. Родичевъ? Эту надпись золотыми буквами можно было бы начертать на фронтонѣ Таврическаго дворца, если бы Думъ было только двѣ—первая и вторая. Почти всѣ ораторы хотѣли переродить человѣчество и перевернуть Россію только силою краснорѣчія, ссылаясь для этого на какую-то волю какого-то народа и никогда не ссылаясь на доводы разума, ибо это уже отдаетъ сапіенціей. Если eloquentia—единственная мечта и любовь кадета, то хмурая и серьезная sapientia—для него личный врагъ и онъ скрипѣлъ зубами, когда порой ея строгій обликъ поднимался надъ курульными креслами консуловъ и ихъ товарищей. Рядомъ съ нечиновными катилинами сидѣли и консулярные мужи, бывшіе сотрудники консуловъ, которые, разочаровавшись въ своей сапіенціи, все свое упованіе возложили на кадетскую элоквенцію. Тѣмъ то именно кадеты и отличались отъ своихъ лѣвыхъ друзей, что тѣ, отложивъ вмѣстѣ съ кадетами всякую сапіенцію, никакихъ надеждъ не возлагали и на элоквенцію, а разсчитывали на кулаки и мораль пролетаріата. Еще одна черта, сближавшая думскіе центры съ лѣвыми периферіями: «они стремились къ чрезвычайному, невѣроятному и слишкомъ высокому». Въ этомъ направленіи пальма первенства принадлежала, очевидно, не кадетамъ, а ихъ лѣвымъ друзьямъ. Тѣ стремились исключительно къ недопустимому и недозволительному, къ неосуществимому и невозможному, къ небывалому и небы-

ваемому. Тѣ уже полъ-вѣка обѣщаютъ пролетаріату журавлей въ небѣ и этимъ до сихъ поръ веселы и сыты и надѣются быть сытыми до скончанія вѣковъ. «Слишкомъ высокое» у кадетовъ много ниже, чѣмъ у соціалистовъ. Но невозможное остается невозможнымъ и невѣроятное невѣроятнымъ, ибо они вмѣстѣ со своимъ любимымъ, хотя и третьестепеннымъ поэтомъ алчутъ и жаждутъ

Нечеловѣчески величественныхъ дѣлъ,
Нечеловѣчески великаго страданья.

Больше на словахъ, конечно, потому что страданья для себя они не любятъ, а то, чего имъ хочется, дѣло земное и человѣческое: regnum sibi parare, какъ говорилъ откровенный Саллюстій. Но и осуществимое часто отходитъ въ область неосуществимости, досягаемое въ область недосягаемости и тогда есть разсчетъ земной и естественной тоскѣ придать характеръ чего то небеснаго и «слишкомъ высокаго».—Намъ, можетъ быть, скажутъ, что Катилину подгоняло къ скорѣйшему осуществленію государственнаго переворота сознаніе такихъ крупныхъ и значительныхъ преступленій, которыхъ нѣтъ на совѣсти кадетовъ, ибо поѣздка въ Выборгъ была только красивымъ жестомъ и подлежитъ только художественной, а не юридической оцѣнкѣ. Но этотъ вопросъ я ради легальности категорически снимаю съ очереди, такъ какъ, подъ давленіемъ именно кадетовъ, отношеніе къ преступленіямъ и преступникамъ нынѣ должно быть самое нѣжное и уважительное. Также неудобенъ

. ъ настоящее время вопросъ о финанвыхъ затрудненіяхъ Катилины, какъ ычагѣ его революціонной активности и мнимой неотложности переворота. Конечно, среди кадетовъ есть люди богаче обѣднѣвшаго Катилины. Но, когда легкость стяжанія сочетовается съ маніею расточительности, самое понятіе о достаткѣ и богатствѣ снимается съ очереди и низвергается въ бездны хаоса: большое кажется малымъ, а малое—большимъ. Все сводится къ точкѣ зрѣнія.

Довольно вѣроятно, что г. Милюковъ могъ бы пространнѣе и детальнѣе описать тактику и стратегію русскихъ кадетовъ, чѣмъ Саллюстій, но мнѣ будетъ дорого уже и то, если мыслящая Россія признаетъ, что Катилина былъ послѣдовательнымъ кадетомъ и ни къ какой другой политической партіи не принадлежалъ.

IX.

Широкое распространеніе политическихъ идей Катилины среди высшихъ и среднихъ слоевъ римскаго общества Саллюстій объяснялъ испорченностью нравовъ латинской интеллигенціи и поэтому съ большими похвалами онъ напоминалъ о доблести и честности прежнихъ поколѣній, создавшихъ силу и величіе Рима. Но, если вспомнить ту мораль, которую онъ ставилъ для себя лично и по которой слагался его собственный образъ жизни, эти его превосходныя разсужденія производятъ впечатлѣніе обычной кадетской неискренности и литературнаго пафоса. И здѣсь—satis eloquentiae, sapientiae parum. Но въ ряду перловъ этой риторики у него встрѣчается одно удивительное замѣчаніе, которое не лишено серьезнаго значенія и для нашего времени. Саллюстій пришелъ къ выводу, что исторію народовъ дѣлаютъ не народы, а ихъ историки—и дѣлаютъ ее по своему вкусу и по своему капризу. Эту мысль онъ формулируетъ такъ. «Въ концѣ концовъ все и вездѣ рѣшаетъ случай. Онъ раздаетъ славу и безславіе скорѣе по прихоти, чѣмъ по справедливости. Я думаю, что дѣла аѳинянъ значительны и не лишены величія, но все-же они ниже, чѣмъ ставитъ ихъ молва. Но тамъ нашлись талантливые историки, которые на весь міръ прославили дѣла аѳинянъ, какъ что-то необыкновенное. Такимъ образомъ размѣры доблести героевъ опредѣляются размѣромъ талантливости ихъ историковъ. Но у римскаго народа историковъ было мало, такъ какъ каждый разумный человѣкъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, пускалъ въ ходъ не только свой литературный талантъ, но и свои руки, каждый предпочиталъ работать, а не говорить,—стремился къ тому, чтобы о немъ говорили, а не о томъ, чтобы красиво говорить о другихъ».

X.

Странное и неожиданное впечатлѣніе производятъ эти наивныя и простодушныя слова латинскаго историка, который самъ пролагалъ новые пути для по-

литическаго памфлета. Ему казалось, что каждый историкъ непремѣнно прославляетъ подвиги своего народа, иногда даже ставитъ ихъ выше, чѣмъ слѣдуетъ по справедливости. Въ этомъ слишкомъ много первобытнаго оптимизма и той милой простоты, которая не знаетъ изворотливости и лукавой партійности такъ называемаго прогресса. Такихъ историковъ у насъ почти и не было, такъ какъ почти каждый изъ нихъ выше всего ставилъ человѣчество, его славу и его подвиги, т. е. свою собственную мечту, личный капризъ и для этого по мѣрѣ способностей и безстыдства старался омрачить славу предковъ, унизить ихъ подвиги и опорочить ихъ доблесть и вѣру. Это съ особенною развязностью сдѣлалъ въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» г. Милюковъ, нелегальный вождь нелегальной партіи кадетовъ, какъ Катилина, домогающійся власти, хотя у него и нѣтъ передъ глазами примѣра какого-нибудь русскаго Суллы. Во всякомъ случаѣ, эта одинъ изъ самыхъ ловкихъ ретіаріевъ на аренѣ русской исторіи. Но и онъ не былъ первымъ въ своемъ родѣ и шелъ уже по проторенной дорожкѣ. Для того, чтобы понять такое удивительное явленіе, надо стать на точку зрѣнія еще болѣе простодушную и наивную, чѣмъ точка зрѣнія Саллюстія. Историкъ, сплетая лавры для героя, и для себя ищетъ славы. И это вполнѣ естественно и справедливо. Пусть слава повѣствователя скромнѣе и ниже славы богатыря, но все-же это слава, которую надо заслужить и которая дается не всякому. Въ

тѣ вѣка, когда слава считалась реальною цѣнностью, она была вполнѣ удовлетворительною наградою за трудъ. Понятіе о приличномъ гонорарѣ въ исторіи исторіи и въ исторіи литературы явилось сравнительно слишкомъ поздно. Въ сущности это созданіе почти только XIX в., когда ученые и философы положили въ основу общественной жизни экономическіе факторы, а во всемъ остальномъ увидѣли только случайную и преходящую надстройку надъ экономическимъ базисомъ. При такой постановкѣ дѣла пошатнулись и рухнули прежніе призраки славы, подвига и доблести. Передъ идейнымъ блескомъ классовой борьбы и гонорара померкли всѣ лучи научной и литературной славы. Это иллюзіи и утопіи прошлыхъ вѣковъ, когда талантливые умы еще не были хорошо финансированы. Славу смѣнила извѣстность и популярность—подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы уважалось каждое мнѣніе, даже самое легкомысленное, самое порочное и преступное. Поэтому, чтобы судить о современныхъ герояхъ и титанахъ мысли и борьбы, надо или совсѣмъ отказаться отъ понятія о славѣ и доблести, или, оставляя эти понятія, совсѣмъ отказаться отъ героевъ. Съ матеріальной точки зрѣнія получается какой-то заколдованный кругъ. Если отказаться отъ современныхъ героевъ, то это съ логическою необходимостью ограничитъ размѣры возможной популярности, а, значитъ, и приличнаго гонорара. Если же публично и всенародно отказаться отъ славы для героя и его историка, принизится величіе и того, и другого,

что тоже можетъ повести къ самымъ печальнымъ экономическимъ послѣдствіямъ, т. е. къ утратѣ гонорара и популярности. На этомъ роковомъ идейномъ конфликтѣ между славою и популярностью, безпристрастіемъ и гонораромъ и завязывается современный гордіевъ узелъ научности и идейности. При существующемъ капиталистическомъ строѣ это противорѣчіе неизбѣжно и неустранимо. Другими словами, хотя призракъ былой славы лопнулъ, какъ мыльный пузырь, но какое-то подобіе славы осталось для красоты рѣчи и для благородства слога, хотя на самомъ дѣлѣ она влачитъ самое мизерное существованіе. Если же звуковое содержаніе этого слова сохраняется и въ словарѣ грядущаго строя,—надѣюсь, позволительно будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній и по существу дѣла.

XI.

Наука, хотя сравнительно еще недавно, но окончательно доказала, что законы историческаго развитія для всѣхъ вѣковъ и народовъ одинаковы и что общественная эволюція ведетъ человѣчество все впередъ и все выше. Если это такъ, нѣтъ въ исторіи мѣста ни для героя, ни для славы. Какая заслуга въ томъ, что эволюція вытащила изъ общей массы за шиворотъ какого-то индивидуума и поставила его въ центрѣ событій? Но въ вѣка варварства и идейнаго младенчества различали по категоріи славы четыре типа народностей: 1)

одни искали славы блескомъ боевыхъ и гражданскихъ подвиговъ; 2) другіе видѣли славу въ красотѣ и гармоніи своего слова, въ изысканной тонкости этимологіи и синтаксиса, въ силѣ и яркости выраженій; 3) третьи искали не славы, но безславія, какъ гунны, варвары и гипербореи; 4) четвертые искали не славы, а чего-то совершенно другого. О первыхъ двухъ категоріяхъ достаточно ясно сказалъ Саллюстій; третья—не нуждается въ поясненіяхъ. Остается четвертая, подъ которою именно и стоитъ русская народность на горе себѣ и на радость другимъ. Наши старые предки никакой славы не искали, а дѣлали дѣло Божье, государево и свое по мѣрѣ силъ и по суду своей совѣсти. Они не обнаруживали блестящей боевой и гражданской доблести, а просто стыдились быть «ворами»,—ихъ техническое выраженіе,—какъ въ земскомъ, такъ и въ ратномъ дѣлѣ. Они не совершали подвиговъ, а просто стояли за свою вѣру и за свою землю. Они до такой степени не понимали славы, что послѣ ряда блестящихъ побѣдъ надѣвали иноческую схиму, т. е. умирали для «міра». Любопытно было бы послушать, что сказала бы философія исторіи, если бы такъ покончили свои дни Александръ Македонскій, Юлій Цезарь или Наполеонъ I? Но такихъ фактовъ философія исторіи не знаетъ и знать не хочетъ и по этому вопросу молчитъ, чѣмъ ставитъ русскихъ историковъ въ самое щекотливое положеніе. Русскіе герои какимъ-то противоестественнымъ способомъ не хлопо-

тали о томъ, чтобы ихъ дѣла записывали лучшіе стилисты ихъ вѣка, и не домогались того, чтобы слава ихъ прошла во всѣ концы вселенной. Ихъ совѣсть вязали схимники и иноки, отшельники и пустынножители и другого суда для себя они не искали. Въ свое время эти слѣды общественнаго и политическаго варварства стали понемногу исчезать, но и до послѣдняго времени стыдились нанимать талантливыхъ писателей, способныхъ силою пера утроить и удесятирить ихъ геройство. Но въ предѣлахъ Россіи, какъ и въ предѣлахъ римскаго государства, жили не одни только русскіе люди, темные и невѣжественные въ дѣлѣ рекламы и славолюбиваго героизма, но и другіе народы, теоретически понимавшіе роскошь и сладость всемірной извѣстности, хотя по странной случайности и не сохранившіе своей независимости и свободы. У однихъ были Гзаки и Кончаки, Батыи и Мамаи, у другихъ Сигизмунды и Владиславы, у третьихъ—гдѣ-то далеко—Карлы XII, нѣсомнѣнные рыцари и воители. У другихъ и такихъ именъ не было, но теорія общественной эволюціи обѣщала имъ, что у нихъ будутъ, будутъ Цезари и Наполеоны, Канты и Аристотели, Гомеры и Шекспиры, какъ только имъ будетъ дарована автономія, ибо источникъ всякаго творчества и всякой геніальности—только въ сепаратизмѣ и всѣ государства только тогда достигали духовнаго и политическаго совершенства, когда распадались на свои составныя части. Въ этихъ пластахъ русскаго населенія славолюбіе никогда

не умирало и въ теоріи было живымъ, хотя неугомонная активность этихъ культурныхъ элементовъ проявлялась всегда только въ рѣчахъ и подвигахъ отрицанія и разрушенія.

XII.

Вотъ та единственная культурная и бытовая почва, на которую могъ опереться русскій историкъ, одержимый жаждою славы и гонорара. Смиреніе и молчаливость русскаго героизма, поражавшія даже стороннихъ наблюдателей, доводили до возмущенія и негодованія талантливыхъ писателей, которые гордились живописностью чужой племенной, сословной и классовой борьбы и сами жаждали лавровъ пѣвцовъ революціи. Славолюбивые писатели скорбѣли о разъединенности и сонливости общейнородческаго славолюбія и пытались разбудить и объединить высоко-культурные и строго-научные апетиты русскихъ «провинцій», чтобы на ихъ объединеніи построить фундаментъ своей славы и обезпечить себѣ гонораръ. Ставъ на такую твердую почву, опытные и догадливые умы и въ нѣдрахъ русскаго народа нашли тѣ элементы, которые были намѣчены печатью сознательности и идейности. Это была именно кіевская голь, новгородскіе ушкуйники, понизовая вольница, московскіе воры и шпыни, польскіе лисовчики и кавказскіе джигиты, истинные герои національнаго и общественнаго протеста. Только такимъ путемъ на почвѣ экономической борьбы и

можно было примирить славу съ популярностью, доблесть и благородство съ гонораромъ. Вполнѣ естественно, что съ началомъ освободительнаго движенія всѣ силы русской научности и идейности, опираясь на всеобщую автономію окраинъ и автокефальность религій и вѣроисповѣданій, съ восторгомъ привѣтствовали историческихъ наслѣдниковъ воскресающаго «воровства» и наступающей разрухи. Такимъ образомъ нарушенное идейное равновѣсіе было возстановлено: прежнюю популярность снова назвали славою, а прежнее воровство и «сарынь на кичку» ростомъ личности и правоваго сознанія. Лѣтопись русской жизни, подъ руководствомъ г. Милюковыхъ и Карѣевыхъ, перешла въ руки сотрудниковъ уличной прессы и анналы русской исторіи мгновенно наполнились лучшими страницами не только въ предѣлахъ русской дѣйствительности, но и въ судьбахъ всего человѣчества. Въ рядахъ боевыхъ организацій появились величайшіе герои, подобныхъ которымъ не видѣлъ и древній Римъ, а въ редакціяхъ геніальные историки, какихъ не дали и краснорѣчивыя Аѳины. Подражая г. Милюкову, газетные репортеры не только писали, но и дѣлали исторію и подъ ихъ руками исторія становилась ослѣпительною и величественною, хотя подъ конецъ сводилась подъ рубрику «событія дня». Исторіи было слишкомъ мало, а историковъ было слишкомъ много и поэтому лучшіе перлы краснорѣчія и гражданскаго лиризма приходилось тратить главнымъ образомъ на экспропріаторовъ

и дешевыхъ бомбометателей. Саллюстій сожалѣлъ о томъ, что недостатокъ историковъ не поднялъ на надлежащую высоту славу и доблесть древнихъ римлянъ. Теперь приходится пожалѣть, что редакціи передовой и крайне-лѣвой прессы вызвали столько историковъ, что они силою своего творчества создавали исторію даже тамъ, гдѣ слава и доблесть героевъ исчерпывалась еще такъ недавно полицейскимъ протоколомъ. Дѣло дошло до того, что на каждаго бллигеранта приходится по два и по три историка и дается впечатлѣніе, что именно газетные историки и держатъ всю страну въ состояніи усиленной активности и самоистребленія. Мы остановились на этомъ сравнительно второстепенномъ вопросѣ для того, чтобы отмѣтить не только кадетскій образъ жизни, но и кадетскій образъ мыслей Саллюстія, который организаціею кадра такихъ-же историковъ оказывалъ косвенное содѣйствіе заговору Катилины и вооруженному возстанію римской интеллигенціи, поднявшей стягъ пролетаріата. Вернемся къ нашему главному вопросу о качествѣ и количествѣ тѣхъ общественныхъ силъ, изъ которыхъ Катилина вербовалъ членовъ своей опозиціонной партіи въ сенатѣ и бойцовъ за свободу на полѣ битвы. Ему, какъ мы уже сказали, очень помогла утонченность нравовъ высшихъ и среднихъ слоевъ современнаго ему римскаго общества.

XIII.

«Когда только одно богатство стало пользоваться почетомъ и уваженіемъ и

только оно одно давало славу, вліяніе и власть,—доблесть пропала, бѣдность считали позорною, а дѣловую и служебную честность и нестяжательность—злонамѣренностью. Блескъ роскоши воспитывалъ юношество въ привычкахъ расточительности и алчности, съ оттѣнкомъ гордости и превосходства. Грабили, чтобы кутнуть во всю,—своего не берегли, зарились на чужое. Стыдливость въ словахъ и поступкахъ считали смѣшною, ни въ чемъ не знали мѣры, все Божеское и человѣческое считали ни во что. Любовь превратилась въ распутство. (Опускаемъ порнографическія и грязныя подробности латинской распущенности при Саллюстіѣ, потому что въ настоящее время половая извращенность достигла тѣхъ предѣловъ и той утонченности, которая и не снилось современникамъ Катилины). Ложились спать до сонливости и дремоты. Не дожидались ни голода, ни жажды, ни холода, ни утомленія. При роскоши этихъ потребностей не замѣчаютъ. Это подталкивало молодежь на преступленія, когда на такую жизнь средствъ не хватало. Люди съ широкими привычками не легко отказываются отъ прихотей. И всѣ, какъ могли и умѣли, старались поднять уровень какъ своихъ доходовъ, такъ и своихъ расходовъ».

Было бы лучше, если бы эти слова говорилъ не такой сибаритъ и эпикурецъ, какъ Саллюстій. Но, кѣмъ бы они ни были сказаны, своей цѣнности и серьезности они не теряютъ. При Катилинѣ это былъ еще совсѣмъ юный и совсѣмъ новый «духъ вѣка». Теперь

этотъ духъ вѣка давно состарился и одряхлѣлъ. Его уже не замѣчаютъ и онъ сталъ тою нормою жизни, которая признается сама собою и никакихъ споровъ и недоразумѣній не вызываетъ. Теперь тотъ, кто не проникнутъ благороднымъ рвеніемъ къ экспропріаціи, и за человѣка не считается. Это признакъ пошлой реакціонности и идейнаго застоя. Этотъ новый видъ стяжанія и пріобрѣтенія—считается не только нормальнымъ и естественнымъ, но единственно честнымъ и благороднымъ, даже достойнымъ славы и восхищенія. Онъ высоко поднимаетъ своего героя, если производится подъ видомъ конфискаціи казенной или частной собственности на нужды свободы, революціи и террора. Ставить ли въ вину сынамъ вѣка, если большая часть боевой добычи остается въ ресторанахъ, игорныхъ клубахъ и у тѣхъ либертинокъ, которыя владѣютъ искусствомъ капитализировать свою красоту и свои ласки? По старому правилу: не заграждай уста волу молотящему,—лидеры партій на это самовознагражденіе смотрятъ и должны смотрѣть сквозь пальцы, потому что иначе не найдутъ достаточно волонтеровъ и охотниковъ. Размѣры стяжательности всегда соотвѣтствуютъ размѣрамъ растраты, которую, безъ риска быть убитымъ по постановленію партійнаго комитета, можетъ дозволить себѣ каждый отдѣльный сборщикъ податей, собственноручно убивающій невольныхъ плательщиковъ. Поэтому экспропріаторы не всегда становятся капиталистами и крупными финансистами на бир-

жѣ, а чаще обогащаютъ талантливыхъ антрепренеровъ увеселительныхъ заведеній и ихъ професіональныхъ либертинокъ. Чтобы копить и сберегать, нуженъ совсѣмъ другой темпераментъ и другая мораль, чѣмъ тѣ, которыми обладаютъ лѣвые друзья кадетовъ. Одна, но великолѣпная вакханалія вознаграждаетъ ихъ за легкій сравнительно трудъ и активную трудоспособность. Такимъ образомъ бойцы за свободу являются комисіонерами по переводу крупныхъ суммъ изъ банковъ, сберегательныхъ кассъ и государственнаго казначейства въ карманы разсчетливыхъ увеселителей и общедоступныхъ жрицъ veneris vulgaris. По самой логикѣ характеровъ и темпераментовъ, создающихъ исторію и осуществляющихъ революцію, освободительное движеніе становится дѣломъ временной и случайной роскоши и блистательной растраты, а не благопріобрѣтеніемъ людей средняго достатка и тѣхъ неимущихъ, которые такъ и останутся неимущими. Принципіально вожди пролетаріата будто-бы ратуютъ за насильственное отчужденіе земельныхъ угодій и капиталовъ въ карманы пролетаріата, но на практикѣ—въ виду явной неосуществимости такого грандіознаго замысла, — ратуютъ за захватное право въ интересахъ широты собственнаго размаха и личной расточительности, что имъ внушаетъ уже не соціалистическій, а кадетскій образъ жизни и образъ мыслей. Соціалистамъ, какъ партіи лѣвой, только объѣдки, по правилу: tarde venientibus ossa,—а кадетамъ, какъ партіи центра,

какъ первымъ въ кулуарахъ Таврическаго дворца,—балыкъ, осетрина, и лучшее фряжское вино. Вотъ почему въ партіи Катилины не было соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ съ ихъ демократическими вкусами и привычками: ихъ апетиты слишкомъ незатѣйливы и неприхотливы и оскорбляютъ гастрономическую утонченность сластолюбиваго и властолюбиваго желудка. Професора и оракулы науки, адвокаты и крупные аграріи, консулярные мужи и финансисты, ex-министры и ex-бюрократы, — вся кадетская титулованная знать, лучшіе умы и сердца вѣка, блестящая плеяда искателей власти,—этимъ самымъ высоко поднимается надъ общимъ думскимъ уравнемъ въ области идейности и гастрономіи, научности и личнаго комфорта. Такъ и заговоръ Катилины имѣлъ олигархическія цѣли, а не диктатуру пролетаріата и шелъ къ своему концу тѣмъ-же путемъ, какимъ идутъ къ третьей думѣ и кадеты.

XIV.

«Въ такомъ пестромъ и такомъ испорченномъ обществѣ Катилина имѣлъ къ своимъ услугамъ всѣ преступленія и пороки. Ему легко было собирать партію и боевую дружину. Его друзьями и пріятелями стали всѣ безстыдники, которые потратили боевую добычу въ игорныхъ домахъ, дорогихъ ресторанахъ и чертогахъ женской доступности, — всѣ, кто запутался въ кредитѣ, т. е. въ долгахъ,—всѣ, кто опасался судебнаго пре-

слѣдованія за преступленія и пороки,— кромѣ того, всѣ отцеубійцы и святотатцы,—всѣ уже осужденные и еще ожидающіе суда,—всѣ, руки и языкъ которыхъ были запачканы клятвопреступленіемъ или кровью гражданъ,—наконецъ всѣ, утомленные безденежьемъ или угрызеніями совѣсти за безчестные поступки. Если-же въ этомъ партійномъ кружкѣ у кого нибудь не было какой-либо уголовщины, онъ ее немедленно совершалъ, такъ какъ подъ вліяніемъ ежедневнаго общенія и соблазна сразу-же становился на общій уровень. Особенно добивался популярности Катилина среди молодежи: эти мягкія и колеблющіяся сердца привлечь на свою сторону нетрудно. Однимъ онъ оказывалъ вліятельную протекцію среди демимонда, другимъ дарилъ лошадей и собакъ,—словомъ, не жалѣлъ ни денегъ, ни своей репутаціи, лишь-бы сдѣлать ихъ послушнымъ и надежнымъ пушечнымъ мясомъ для своей оппозиціи. Приманивъ ихъ къ себѣ, онъ всѣми способами подталкивалъ ихъ на преступленія. Онъ училъ ихъ лжесвидѣтельству ради корысти и подлогамъ при духовныхъ завѣщаніяхъ; по своему объяснялъ понятія о долгѣ, служебной карьерѣ, государственной опасности.— И, когда эти люди теряли стыдъ и доброе имя, онъ посылалъ ихъ на худшія злодѣянія. Если даже и не было особенныхъ поводовъ для этого, онъ все-же возлагалъ на нихъ преступныя дѣянія, для того, конечно, чтобы сердца и руки ихъ не облѣнились въ праздности. Онъ былъ золъ и жестокъ и безъ разсчета на прибыль и выгоду. Полагаясь на своихъ

друзей и единомышленниковъ, принимая во вниманіе, что всѣ кругомъ по горло залѣзли въ долги, а сотрудники Суллы, прокутивъ награбленную добычу, желали новыхъ грабежей и новой добычи, Катилина рѣшилъ овладѣть государствомъ. Въ Италіи войска не было. Кн. Помпей велъ войну на краю свѣта. Самъ Катилина имѣлъ основанія разсчитывать на консульство. Сенатъ дремалъ и думалъ, что все обстоитъ благополучно. И все это было очень на руку Катилинѣ».

XV.

Въ новомъ подъемѣ ригоризма, Саллюстій не жалѣлъ красокъ и говорилъ простымъ и честнымъ языкомъ своихъ великихъ предковъ. Но идейныя поколѣнія простого языка не понимаютъ и по этому нѣкоторыя фразы Саллюстія, надо перевести на языкъ г. Милюкова, чтобы проявить фотографическій снимокъ кадетской типичности. Перевести нетрудно— стоитъ только все, что Саллюстій приписывалъ порочности, паразитизму и мотовству римской интеллегенціи, поставить подъ категорію доблести, научности и прогресивности неимущихъ классовъ общества, желающихъ стать имущими, не утруждая себя прозою и напряженностью мирной работы;—вмѣсто словъ: порокъ и преступленіе—ставить: мораль пролетаріата;—избѣгая слова: глупость, говорить: современная наука,—подставляя въ такомъ-же порядкѣ всѣ имена и названія изъ области легкаго труда и легкаго заработка, захватнаго права и блестящей

растраты. Въ сущности это очень нехитрое искуство и имъ не плоше активныхъ беллигерантовъ и экспропріаторовъ владѣютъ лучшіе изъ родовитыхъ русскихъ квиритовъ, гг. Винаверы, Пергаменты, Гессены и особенно о. Гр. Петровъ, искусно превращающій Варраву въ Христа, а Христа въ Варраву. Въ общихъ чертахъ дѣло представляется такъ. По простодушному толкованію Саллюстія въ освободительномъ движеніи Рима главную роль играли: Сулла, показавшій первый примѣръ захвата власти,—льстецы молодежи, сознательно принизившіе умственный и нравственный уровень юношей, скрывая отъ нихъ различіе между своимъ и чужимъ,—идейные юноши, всегда домогавшіеся не своего, а чужого на предметъ минутнаго торжества и собственнаго увеселенія,—отцеубійцы и святотатцы въ прямомъ и переносномъ смыслѣ,—нѣкоторые консулярные мужи, т. е. ех-товарищи министровъ и вице-губернаторы, поклонники Суллы,—люди, не признающіе обязанностей и служебнаго долга, такъ какъ у нихъ слишкомъ много долговъ и слишкомъ мало кредита,—и вообще та часть населенія, которая не поднялась до величія люмпенпролетаріата и въ тоже время была лишена возможности пользоваться чинами, орденами, окладами и наградными сатраповъ и правящей бюрократіи. По строго научному толкованію ученыхъ и неученыхъ кадетовъ, въ Россіи все сдѣлала стихійная общественная эволюція по програмѣ культурнаго прогреса, которая для борьбы съ суевѣріями и предразсудками христіан-

ской нравственности выдвинула иммовалистовъ, для борьбы съ легіонами и легіонерами пропагандистовъ и беллигерантовъ, manu militari создававшихъ свой боевой фондъ путемъ конфискаціи казенной собственности и движимости,—для борьбы съ частною собственностью трудящіяся массы, которыя скоро и охотно превращаются въ безработныхъ, чтобы перестать быть трудящимися. Повидимому, здѣсь полная противоположность во всемъ сверху и до низу, но на самомъ дѣлѣ это то-же самое, только взятое съ разныхъ концовъ и изложенное на разныхъ языкахъ,—на латинскомъ и на русскомъ. Саллюстій ищетъ причины движенія и психологію революціи, а русскіе историки указываютъ только новыя, почему-то латинизированныя названія для цеховъ и професій активной революціи. Кадеты только констатируютъ фактъ; Саллюстій отмѣчаетъ личные мотивы ораторовъ и героевъ. Отъ кадетовъ теорія скрываетъ живыхъ людей и погружаетъ ихъ въ міръ блаженныхъ иллюзій. Саллюстій смотритъ, гдѣ раки зимуютъ и изъ-за чего началась вся суматоха. Съ кадетовъ довольно легенды и красиваго жеста, а Саллюстій внимательно смотритъ въ карманъ—свой и чужой. Такъ, еще недавно существовала легенда, что уполномоченные комитетами экспропріаторы казенной и частной собственности проявили поразительную порядочность и честность въ финансовой и дѣловой отчетности,—взорвавъ стражниковъ и овладѣвъ денежными знаками, не тратили на себя ни одной сестерціи, а все до по-

слѣдняго асса сдавали въ кассы комитетовъ,—какъ были, итакъ и оставались безсребренниками, ни кутежей, ни увлеченій себѣ не позволяли и этимъ содѣйствовали осуществленію такихъ грандіозныхъ предпріятій, какъ морская экспедиція викинговъ пролетаріата по сѣвернымъ морямъ, чтобы найти подходящее мѣсто для раздѣла власти и добычи. Но факты доказали, что комитеты вынуждены были предавать смертной казни тѣхъ изъ своихъ уполномоченныхъ, которые значительныя суммы наворованнаго и награбленнаго предпочитали оставить для личнаго распоряженія по своему собственному усмотрѣнію на новый терроризмъ и на свои собственныя увеселенія. Была и другая легенда будто-бы кадеты столпамъ партіи не сулили чиновъ и окладовъ, почестей и портфелей,—того тлѣннаго богатства, которое унизительно для героевъ и подвижниковъ народной свободы,—что они вполнѣ безкорыстно и только во имя идеи шли штурмомъ на власть или вели на нее осаду. Но факты показали, что послѣ блестящихъ побѣдъ въ Выборгѣ и Гельсингфорсѣ они готовы были идти на компромиссы и уступки, чтобы, если уже нельзя допустить ихъ въ проконсулы, почтить ихъ хоть какимъ-нибудь вниманіемъ. А Саллюстій прямо и просто говорилъ, что кадеты, по примѣру Суллы, хотятъ захватить regnum sibi, чтобы уничтожить надоѣдливыя долговыя обязательства, пощипать существующихъ въ наличности капиталистовъ и перевести ихъ состояніе на болѣе достойныхъ членовъ партіи, расточать ихъ финансы по своему вкусу и дѣлать это съ большимъ блескомъ и шикомъ, чѣмъ это дѣлали прежніе сатрапы. На примѣрѣ Катилины и своемъ собственномъ, Саллюстій убѣдился, что такъ лучше и для экономической жизни много занимательнѣе.

XVI.

Указанныя соображенія имѣютъ въ виду общія тенденціи двухъ переворотовъ, такъ сказать, общій духъ того и другого вѣка. Но на этомъ общемъ фонѣ надо устранить нѣкоторые слишкомъ яркіе оттѣнки въ деталяхъ, чтобы установить гармонію и идейное единство двухъ историческихъ эпохъ. Можетъ быть, современное ухо по своей впечатлительности будетъ оскорблено такими выраженіями, какъ распутство отцеубійство и святотатство. Но я думаю, что это объясняется скорѣе стилистикою Саллюстія, который подражалъ языку своихъ предковъ, чѣмъ преднамѣренною неточностью въ выборѣ терминовъ. О распутствѣ, какъ факторѣ государственнаго переворота, мы уже упоминали. Что же касается отцеубійства и святотатства, то это скорѣе образныя выраженія, чѣмъ юридическіе термины. Если я не ошибаюсь, количество убитыхъ родителей за послѣднее время сравнительно ничтожно. Но существуетъ достаточное количество фактовъ, которые свидѣтельствуютъ что отцы и дѣти текущаго поколѣнія часто, по обычному образному

выраженію, рѣшаютъ свои недоумѣнія и разногласія «на ножахъ», причемъ сочувствіе и уваженіе всей мыслящей Россіи всегда отдается юношеской активности, а не консервативной опытности мужей зрѣлыхъ и старцевъ. Если мы вспомнимъ латинскій культъ старости, гдѣ и государственная дума называлась сенатомъ, мы поймемъ, какъ выгодно было Саллюстію стать на сторону зрѣлаго возраста противъ молодежи и онъ радикальный разрывъ между отцами и дѣтьми не безъ нѣкоторой тенденціозности называлъ отцеубійствомъ. Теперь по этому вопросу споровъ быть не можетъ. Современная наука давно доказала, что больше благородства и честности, высокихъ порывовъ и справедливости, самоотверженія и геройства у людей, недостигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія и не опошленныхъ знаніемъ жизни. Дѣйствительность вполнѣ подтвердила эти научные выводы, такъ какъ во многихъ экспропріаціяхъ особенно громко кричали «руки вверхъ» гимназисты, семинаристы и реалисты младшихъ классовъ и этимъ доказали идейное превосходство отроческаго и младенческаго возраста. Многимъ изъ родителей активность и стремительность ихъ рѣшительныхъ и неугомонныхъ пострѣлятъ привела въ ужасъ и неисходное отчаяніе. Можетъ быть. именно это и имѣлъ въ виду Саллюстій, когда называлъ юныхъ сотрудниковъ Катилины «отцеубійцами». О «святотатствѣ», конечно. говорить нечего: это понятіе вычеркнуто изъ современнаго словаря.

Взрывъ чудотворныхъ иконъ считается среди идейной молодежи лучшимъ видомъ освободительнаго спорта. Лучшую страницу римскому кадетизму Саллюстій отдалъ тамъ, гдѣ привелъ рѣчь Катилины къ своимъ друзьямъ и единомышленникамъ, въ которой, какъ въ фокусѣ, сливаются всѣ тѣни и оттѣнки историческаго и международнаго кадетизма.

XVII.

«Если-бы я не зналъ вашей доблести (?) и вашей вѣрности, (?) я не рѣшился-бы воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами. Огромныя надежды на успѣхъ, власть почти въ рукахъ — вотъ отъ чего пришлось бы мнѣ отказаться, такъ какъ ради людей лѣнивыхъ и слабыхъ я не рѣшился бы предпочесть невѣрное вѣрному. Но во многихъ крѣпкихъ буряхъ я убѣдился, что вы смѣлы и преданы мнѣ, и только поэтому я рискнулъ на смѣлое и крупное дѣло (facinus). Я знаю, что то, что хорошо или дурно для меня, также хорошо или дурно и для васъ. А того-же хотѣть и того-же не хотѣть — вотъ самая крѣпкая дружба. Каждому изъ васъ порознь я уже сообщалъ свои планы. Я отъ нихъ не отказался. Напротивъ. Съ каждымъ днемъ я крѣпче утверждался въ своемъ намѣреніи, когда думалъ о томъ, что насъ ждетъ, если мы не добьемся себѣ свободы (?). Когда республика сильна и власть отдана въ руки немногихъ вліятельныхъ людей, — къ намъ шли съ поклономъ царьки и

тетрархи, или несли дани племена и народы. А мы, всѣ остальные, — энергичные, честные (?), знатные и незнатные, —мы стали толпою безъ вліянія и авторитета,—мы были покорны тѣмъ, которыхъ мы терроризировали-бы, если-бы республика была крѣпка. Вліяніе, власть, могущество, богатство—все въ ихъ рукахъ или въ рукахъ тѣхъ, кто имъ угоденъ. У насъ—неудачи, срывы, обвиненія по. ст. 129, плохіе финансы. Quousque tandem мы будемъ все это терпѣть, храбрѣйшіе мужи? Не лучше-ли намъ умереть, чѣмъ жить въ безвѣстности, съ долгами на шеѣ и быть игрушкою въ рукахъ чужой гордости? Побѣда, — клянусь богами и людьми, — въ вашихъ рукахъ. Мы молоды и смѣлы. У нихъ — отъ лѣтъ и богатства все захирѣло и состарилось. Стоитъ только начать, чтобы все пошло само собою. Кто-же изъ смертныхъ допуститъ, чтобы въ ихъ рукахъ было столько богатства, распоряжаться которымъ они не умѣютъ—а у насъ — дома бѣдно, а внѣ дома — векселя и кредиторы? И теперь плохо, а потомъ будетъ еще хуже. Въ концѣ концовъ, кромѣ жалкой жизни, у насъ ничего нѣтъ. За чѣмъ же дѣло? Передъ вами вотъ она,—она, свобода (?), которой вы всегда желали,—кромѣ того, богатство, власть, почетъ. Все это общественная эволюція (fortuna) дастъ въ награду побѣдителямъ. Положеніе дѣлъ, условія времени, привлеченіе насъ къ суду, пустой кошелекъ, великолѣпная добыча побѣды—вотъ что должно убѣдить васъ больше, чѣмъ мои рѣчи. Я

въ вашемъ распоряженіи, какъ простой солдатъ или какъ вождь (imperator). Тѣломъ и духомъ я съ вами. Въ званіи консула съ вашею помощью я достигну этого, если я въ васъ не ошибаюсь и вы дѣйствительно стремитесь командовать, а не повиноваться».

«Когда это услышали люди, у которыхъ злобы накопилось довольно, а дѣла были плохи и никакихъ надеждъ на будущее не было,—они, хотя имъ было и очень по душѣ потрясеніе государства, все-таки пожелали узнать, на какихъ условіяхъ Катилина начинаетъ борьбу, кому и что дадутъ, что уже подготовлено и откуда можно ждать помощи. Катилина обѣщалъ уничтожить долговыя обязательства, экспропріировать крупную частную собственность, дать теплыя мѣста въ земскихъ учрежденіяхъ и эпархіяхъ (sacerdotia), возможность грабежа (rapinae) и все, что вообще предоставляется волѣ побѣдителя. Кромѣ того, онъ сообщилъ, что въ заговорѣ принимаютъ участіе Пизонъ, который стоитъ съ войскомъ въ Испаніи, и Публій Ситій Нуцеринъ съ его легіонами въ Мавританіи. Домогается консульства Гай Антоній, его пріятель, человѣкъ нуждающійся въ средствахъ, и поэтому преданный Катилинѣ, какъ будущему товарищу по должности. Потомъ онъ бранилъ всѣхъ честныхъ людей и осыпалъ похвалами присутствующихъ. Одному онъ напоминалъ о долгахъ и взысканіяхъ, другому— о тонкости его вкуса и широкихъ привычкахъ, многимъ—о возможности преслѣдованія по суду и лишенія чести,

нѣкоторымъ—о диктатурѣ Суллы, когда многіе успѣли нагрѣть руки. Убѣдившись въ подъемѣ активности присутствующихъ и въ ихъ готовности приступить къ дѣлу, Катилина распустилъ митингъ. .

XVIII.

Дальше мы не пойдемъ за Саллюстіемъ. Все ясно и не нуждается въ коментаріяхъ.

Рѣчь Катилины—въ своемъ родѣ внѣ конкурренціи. О, какъ satis, satis eloquentiae! Какъ убѣдительны для каждаго въ отдѣльности его доказательства! Сколько жара и блеска въ очень реальныхъ обѣщаніяхъ! Какая гармонія и законченность фразы! И — ни одного честнаго слова. Всѣ слова противоположной окраски и точны до полнаго цинизма. Какой «свободы» искали римскіе кадеты, объяснять не надо. Свободы отъ долговыхъ обязательствъ и для принудительнаго отчужденія частной собственности въ свою пользу,—амнистію всѣмъ сотрудникамъ, осужденнымъ по приговорамъ военнаго, уголовнаго и гражданскаго судебнаго производства. Это типъ—вѣчный. Но онъ проявляется во весь ростъ только въ конституціонныхъ и республиканскихъ государствахъ. Только тамъ этотъ плодъ дозрѣваетъ до полной спѣлости. На этой почвѣ бываютъ какъ баловни судьбы, такъ и неудачники. Суллѣ удалось то, что не удалось Катилинѣ. Правда, и его торжество не было продолжительнымъ, но онъ достигъ своего и пожилъ въ свое удовольствіе, чего только и добиваются кадеты всѣхъ вѣ-

ковъ и народовъ по самой сущности своей политической платформы. «Свобода», какъ право принудительнаго отчужденія чужой собственности въ свою пользу, слишкомъ соблазнительна и вполнѣ понятна большинству «сознательной» части каждаго высшаго и средняго общественнаго класса. Это часто объясняетъ количественное превосходство кадетовъ въ представительныхъ учрежденіяхъ, особенно когда ихъ элоквенція омрачаетъ sapientiam немногихъ, сбитыхъ съ толку какими-нибудь неудачами и потрясеніями. Но, по примѣру Юлія Цезаря и Салюстія, слѣдуетъ не только пожалѣть, но и восхвалить смѣлое и великое дѣло (facinus) кадетовъ-неудачниковъ, какъ поощрялъ погибшаго Фаэтона остроумный Овидій, когда тотъ въ мощномъ порывѣ все впередъ и все выше, вдругъ ослабѣлъ и утонулъ въ болотѣ.

Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.

Роковая печать неудачника лежала и на блѣдномъ лицѣ Катилины. Та же печать лежитъ и на партіи русскихъ кадетовъ. Они ждали и не дождались своего Суллы. Они помирились бы и на Катилинѣ, но ихъ Катилина окажется третьяго сорта. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ Катилины былъ сенаторъ Люцій Бестія. Но съ такими бестіями далеко не уѣдешь. Катилина встрѣтился съ правительственными легіонами близъ Писторіи (Пистойи) у сѣвернаго склона Аппенинъ, желая проникнуть по непроходимымъ тропинкамъ въ Галлію и палъ на полѣ

битвы. Кадеты успѣли достигнуть только до Выборга, откуда скоро вернулись домой и извинялись въ своей тактической ошибкѣ. Печать большей неудачливости, чѣмъ неудачливость Катилины, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что на нихъ лежитъ печать и большей бездарности. Быть можетъ, этимъ объясняется и то, что у нихъ не нашлось своего Юлія Цезаря, который на порогѣ своей диктатуры поманилъ амнистіею оппозиціонную партію и участниковъ заговора. Можно опасаться, что у нихъ не найдется и своего Салюстія. Салюстій въ отставкѣ, въ своихъ садахъ долго обдумывалъ свои литературныя произведенія, писалъ коротко, ясно и сильно и обнаружилъ недюжинный стилистическій талантъ. Среди кадетовъ такого историка что-то не видно. Г. Милюковъ пишетъ пространно и не вразумительно. Языкъ его произведеній такъ-же мало понятенъ для его читателей, какъ, повидимому, и для него самого. Вотъ развѣ выручатъ г. Родичевъ или о. Гр. Петровъ? У нихъ, говорятъ, болѣе, чѣмъ satis eloquentiae.